

Г-н Жизнь и Г-н Смерть

Аделина Рутцен

Аделине кажется, что их наспех сочиненная "спасательная миссия" длится целую вечность. Из них троих Кортни явно самая выносливая, она всю дорогу выглядит примерно одинаковым бодрым огурцом. Тогда как у Аделины болят руки и плечи, и даже почему-то спина и шея, и она то и дело меняется с Фионой на роли караулящего прорицателя, но толку от этого немного. Никакие угрозы сваливаться на голову все одно не спешат, а передохнуть это толком никак не помогает, поэтому до деревенского лазарета – который вдруг становится таким далеким, словно они пешком идут в Пекин – Рутцен добирается совершенно вымотанной. И, поскольку сейчас очередь Фионы помогать Кортни нести паренька, Аделина, как самая свободная, заодно вынужденно становится самой смелой и дерзкой и, несколько опережая подруг, идет в лазарет, оповещать о том, что они с пациентом. Заходить в лазарет Рутцен справедливо слегка опасается: они же все-таки не кого-то случайного принесли раненым, а очень даже наоборот, кого-то совершенно не случайного. Но уже пройти такой длинный путь для того, чтобы в финале просто перетрусить, будет просто глупым.

– *Здравствуйте*, – еще от порога объявляет Аделина, спеша сотрясти своими новостями воздух прежде, чем успеет как следует взглянуть дежурному врачевателю в глаза и все-таки устыдиться и стухнуть. – *У-нас-Чэ-Пэ. Мы-нашли-раненого. Вы-нам-поможете?* – Старательно донося, что *Чэ-Пэ* у них не какое попало, а поистине серьезное, Рутцен старательно давит из себя отчетливо интонированный, огромный вопросительный знак, удающийся ей довольно редко. И только и ждет отмашки "заносите", чтобы тут же передать ее уже подходящим к зданию лазарета Фионе и Кортни.

Шэн Бо

Шэн редко дежурила в деревенском лазарете, который обычно оставался под присмотром Яна. У неё всегда было много дел в самом монастыре, а дорога до деревни отнимала время. Но сегодня у Лю были какие-то тренировки, а Шэн нужно было отправить письма Бу-джи. В клане все было более-менее спокойно, но Шэн хотела обсудить с сифу предстоящий экзамен Сонгцэна, который тому нужно было сдавать Кобрам, но по особым, выбранным им самим правилам.

День был довольно спокойным. Пациентов было мало, никто не оставался под наблюдением, и к тому моменту, как у лазарета оказались ученики монастыря, Шэн успела закончить уборку и вымыть полы и как раз мыла руки. Она любила полный порядок, а здесь от него зависело еще и здоровье пациентов.

- *Здравствуйте*, - отозвалась Шэн и обернулась на дверь. - Что случилось? Заходите.

Она указала на застеленную матрасом и чистой простыней циновку, лежавшую у одной из стен, где можно было разместить пациента.

Кортни Янг

На самом деле, Кортни вовсе не была *таким* уж нестигаемым огурцом и стальным Терминатором, как себе навоображала Аделина. Совсем уж строго говоря, она вряд ли была намного физически крепче подруг, просто как-то ухитрилась в ходе разговора поставить себя так, что она тут главный Скала Джонсон и таскатель тяжестей. И теперь, пока Аделина и Фиона периодически подменяли друг друга, Кортни всю дорогу со своего конца исправно волокла мальчонку сама. И даже ухитрялась не очень уставать и умирать. В основном, должно быть, потому, что переживала и беспокоилась люто. То ли они по дороге растрясли раненого, пока прыгали по каменистым тропинкам, то ли еще где оказались неаккуратными, но рана у мальчонки под ключицей зашлась мокрыми пятнами. Кортни до трясушки переживала, что они его не донесут, что он по дороге помрет у них на руках, и потому на последних метрах выгнала Аделину бежать в лазарет и бить тревогу заранее.

Сэкономили они на том, правда, секунд всего несколько, особого выигрыша в этом нет и не предвидится.

Кортни, за время долгого перехода упахавшаяся сильнее своих подруг, заходила в лазарет и грузила раненого на циновку молча, из последних сил свирепо дыша носом и желая только сохранить лицо и не рухнуть где-нибудь рядом на пол, пыхтя и выпуская пар. Это было бы очень, очень неуместно и глупо. И даже невежливо занимать в лазарете горизонтальное пространство, когда ты не ранена и не убита, а всего-то несколько убежалась. Поэтому пыхтела и выпускала пар Кортни, упрямо оставаясь стоять. И старалась отдышаться побыстрее на случай, если придется давать какие-то развернутые, подробные объяснения.

Фиона Касл

Довольно неожиданно для самой себя Фиона вдруг из человека, которому поручили смотреть в будущее и пытаться уловить возможные неприятности, чтобы можно было своевременно их избежать, превратилась в человека, который тоже наравне со всеми тащит раненого и старается при этом раненому ничего не оторвать по неумехе. В том, чтобы носить тяжести, Касл была откровенно не сильна; ее даже в школе никогда не просили стул перенести из одной аудитории в другую, и в портфеле у нее всегда лежало полторы тетрадки вместо положенного десятка учебников. Поэтому помощи от Фионы было куда меньше, чем от Аделины.

Но была какая-никакая, это тоже своеобразный плюс. По меньшей мере, уж переживала Фиона за десятерых. И в ужас пришла, когда, проследив в какой-то момент направление напряженного взгляда Кортни, заметила, что у паренька, похоже, открылась рана и идет кровь, и даже не задалась вопросом, как так вышло, что с утра они все еще и понятия не имели даже о существовании этого юного человека, а теперь все троим так за это существование трясутся, как за родного человека, и надрываются в попытках успеть дотащить его до лазарета.

- Здравствуйте, Бо-джи, - пропыхтела Фиона, когда поняла, что Кортни, похоже, в ближайшие минуты рта раскрывать не собирается, а потому ей придется источать вежливость за двоих. Касл помогла подруге опустить раненого на циновку и, не зная, что уже успела рассказать Аделина, как могла пояснила: - Мы его в горах нашли. Его подстрелили, кажется, - Фиона озадачилась этим вопросом всерьез

только сейчас. А может, это рана как раз от меча, в ранениях Касл была далеко не специалист. Она вот царапину от глубокой раны отличить могла, а на более глубокую классификацию уже была не способна.

Аделина Рутцен

Аделина, конечно же, не ожидает немедленного ответа "нет". Ей дико даже представлять такое: чтобы целитель мог не глядя отмахнуться от раненого и сказать "уйдите, мне некогда". Но неотступное ощущение тревоги все равно свербит в груди. Как будто после того, как они с подругами предъявят Бо-джи раненого, обязательно начнутся разного рода проблемы и трудности. Быть может, не сразу, но обязательно начнутся. Аделина старательно давит и топчет это ощущение, и уверяет себя, что ничего подобного не произойдет, они же ничего плохого или неприемлемого не сделали, радостно кивает в ответ на слова Бо-джи и выбегает из лазарета порадовать подруг, что внутрь с раненым можно.

А у подруг такие решительно-сумрачные лица, что Аделине чудится, они бы и без разрешения прорвались, реши Бо-джи по какой-то причине их не пустить.

И у Рутцен почему-то совсем не получается ничем помочь подругам, она только бестолково мечется рядом, и путается под ногами, и мешается, и в конце концов решает, что будет куда более разумным просто отойти в сторону и немножко там, в стороне постоять. Потому что Фиона и Кортни прекрасно справляются и без нее.

К рассказу Фионы, пусть он и коротенький совсем, немке добавить толком нечего.

Аделина только усердно кивает, подтверждая, что *да-да, так все и обстоит, ни убавить, ни прибавить*, и отваживается коротенько, нервно спросить: – *Он-умрет?*

Шэн Бо

Дело было серьезным: пациент был при смерти, от его ауры оставались одни ошметки. У Шэн было два вопроса: как и зачем ученицы перли этого раненого аж в лазарет, но это стоило обсудить позже, потому что вопрос, заданный Аделиной, пока не имел однозначного ответа. Шэн опустилась на колени перед раненым, разорвала на нем рубашку, чтобы та не мешала осмотру, затем задержала правую область над Муладхарой, направляя на Основную чакру чистую красную энергию, пока парень не отправился в другой круг Сансары, не дождавшись окончания осмотра. Была сильная кровопотеря, рана задела крупные сосуды, но не повредила органы, потому что прошла выше легкого.

- Это рана от холодного оружия, - сказала Шэн, не отворачиваясь от пациента. - Можете расстелить циновки и сесть на них.

Ученицы явно не привыкли к тому, чтобы таскать через горы раненых бойцов и устали от такой работы. Они наделали немало ошибок, но парню повезло, что он дождался. Аура начала светиться чуть увереннее, и Шэн задержала над раной обе руки, чтобы направить энергию на восстановление поврежденных сосудов и тканей. Такая работа требовала от врача много сил, но было слишком рискованно ждать, чтобы рана закрылась сама. Скорее начнется воспаление, а там недалеко и до сепсиса.

- Если бы вы позвали меня туда, где его нашли, у него было бы больше шансов. Как и в том случае, если бы вы плотно придавили рану чистой тканью, - сказала Шэн,

все также не глядя в сторону девушек. - Какие еще у него повреждения?

Кортни Янг

Кортни влегкую допускала, что они с подругами могли наляпать кучу ошибок, пока тащили раненого по горам, как ни грустно это было признавать. Будучи профаном, косячишь так, что только в путь, аж искры в разные стороны разлетаются. Кортни в свое время и медицинские сериалы-то особо не смотрела, так что в этой области у нее было одно огромное белое пятно, даже здравым смыслом толком не скрашенное и не подзаштопанное. Так что Янг, конечно, была готова к тому, что их сейчас в той или иной иносказательной форме назовут криворукими дурехами, но лицо у нее в конечном итоге все равно вытянулось.

- Блин, точно. Можно же было вас позвать, это явно было бы быстрее. Я не подумала, - призналась Кортни, и лицо у нее от досады на саму себя совершенно скривилось на сторону. А если бы еще и побежала на своем воздушном ускорителе, так и вовсе добралась бы до лазарета в рекордные сроки. Но Кортни, до сих не привыкшая в быту часто пользоваться магией, как итог, периодически начисто про нее забывала и, как итог, попросту не подумала о том, что можно с помощью колдовства облегчить себе жизнь.

Правда, это еще бабушка надвое сказала, что вести Бо-джи к месту побоища было бы наилучшим решением, но все равно стоило признать: не вспомнить о такой возможности вообще - косяк, и косяк существенный.

- Я больше никаких повреждений не заметила, - осторожно сказала Кортни, не рискуя обобщать за весь мир и потому говоря только о том, что видели лично ее глаза. - Только рана вот эта да еще то, что он с ней невесть сколько времени в горах пролежал. Мы его как нашли, так и понесли, не роняли по дороге. Все равно сильно растрясли, да? - А еще, наверное, можно было попытаться каких-нибудь палок наломать и сочинить из них нечто, на носилки похожее. Но эта мысль, как свойственно всем неплохим мыслям, пришла в голову Кортни тогда, когда в ней уже никакой нужды не было.

Фиона Касл

Первым побуждением Фионы было сказать Аделине что-нибудь в духе "не произноси ерунды, никто не умрёт, все будет отлично". Но когда ничего похожего не озвучила Бо-джи - а ведь если бы все действительно было так легко и просто, то она, наверное, сразу бы об этом и сказала, - Касл изменилась в лице и почувствовала, как внутри снова поднимается ужас. Господи, только бы сейчас не выяснилось, что зря все сделали и все равно не успели.

- Скорее, мы все втроём не подумали, - внесла справедливость Фиона, усилием воли заставляя себя не сорваться в нервы и панику. Заметив, что никто из подруг почему-то не поспешил озаботиться циновками для себя, вопреки императивно прозвучавшему приглашению Бо-джи, Касл озаботилась этим за всех троих. Расстелила на полу три циновки, на одну тут же села сама и продолжила делать неутешительные признания: - Растерялись, наверное. Чистой тканью прижать, это надо чтобы кровь не шла или чтобы заражения не было? - Словом, медицинские знания были у Фионы примерно на том же уровне, что и у Кортни. Где-то в районе

глубокого, позорного нуля.

И ещё Фиона очень надеялась, что они все своим бестолковым и бессистемным девичьим теплом не отвлекали Бо-джи от лечения. А то мало ли, сейчас как наговорят под руку. Или просто - отвлекут ненадолго. Мало ли, этого уже будет достаточно, чтобы что-нибудь плохое случилось.

Аделина Рутцен

На вопрос Бо-джи не отвечает, и Аделина нервно прижимает ладонь к губам – ей думается, что это очень-очень плохой знак. Дурнее некуда. Зато Бо-джи говорит, что рана не от выстрела, а от холодного оружия. *И это, думает Аделина, тоже очень плохой знак.* Уж черт его знает, почему. Сидит внутри это мерзенькое, дряблое ощущение, и ничем его из себя теперь не выгнать, не выковырять.

От Аделины вообще толку ощутимо меньше, чем от её подруг. Кортни и Фиона ведут с Бо-джи полноценный диалог, и отвечают на вопросы, и сами их задают. Хотя это ещё непонятно, насколько этот диалог нужен и не лучше ли было прикусить языки и помолчать некоторое время. Рутцен же отвечать не способна, ей хочется только метаться вокруг бестолковым, заполошным мотыльком, заламывая руки, и тоннами задавать вопросы. Если с первым Аделина ещё более-менее справляется и заставляет себя не бегать туда-сюда и не кружить по лазарету, то вот по второму пункту терпит полное фиаско. Девушка сдерживается как может, а потом слова все же прорываются наружу, и Рутцен спешит снова встревоженно спросить: – *Мы можем-что-нибудь-сделать? Чем-нибудь-помочь?*

Хотя помощницы из них те ещё, конечно, для каждой из которых врачевание – практически пустой звук. Но все же, если Аделина может хотя бы полы помыть, потому что это как-нибудь косвенно поможет лечению, то она предпочитает помыть полы, а не просто так стоять и нервничать.

Шэн Бо

Когда поврежденные сосуды затянулись, а аура стала светиться пусть и бледно, но стабильно, Шэн направила на повреждение поток фиолетовой энергии, который должен был обеззаразить рану, чтобы постараться обойтись без серьезного воспаления. В этом повезло, что рана не была огнестрельной, те воспалялись всегда, и повреждения были более хаотичными.

Девушки мельтешили за спиной, каялись в грехах, задавали вопросы и создавали суматоху. Шэн могла сосредоточиться, чтобы это ей не мешало работать, но все же предпочла бы занять всех делом.

- Я не знаю, сколько вы его растрясли, сколько крови он потерял до того, как вы его нашли. Были повреждены довольно крупные сосуды, он потерял много крови, это опасно для жизни, - объяснила Шэн. - При транспортировке раны нужно закрывать повязками и для того, чтобы уменьшить кровопотерю, и для того, чтобы занести меньше грязи. Если кровь продолжает течь, повязку нужно плотно прижимать, если нет возможности её так зафиксировать.

Было бы лучше, если бы девушкам не пришлось еще раз оказаться в такой ситуации, чтобы применять на практике новые знания, но Шэн считала, что все это

необходимо им объяснить.

- Зажгите на подоконнике свечи, там лежат связки. Поставьте чай и найдите на стеллаже теплые одеяла, его нужно будет укрыть, потому что от кровопотери сильно знобит. Вам нужно решить между собой, что делать дальше.

Парень был японцем. Шэн и без прорицаний понимала, на кого он работал, и кем мог быть ранен. Совсем молодой мальчишка, но он мог быть предан своим боссам.

- Ему нельзя в монастырь, и его не примут в деревне, - объяснила старший мастер. - В лазарете его не тронут, но за ним нужно будет присматривать, пока он не сможет уехать.

Кортни Янг

Ух ты, это что, шанс стать чуть менее позорной нулевочкой?

Кортни, конечно, не рассчитывала, что она отныне будет на постоянной основе подбирать за пределами монастыря раненых японцев и куда бы то ни было их перетаскивать, но все равно наострила уши, пусть даже и планировала, что никакие раны никогда в жизни ей прижимать не придётся. *Да ладно, это прикладное знание, пусть лежит в голове, лишним не будет. Не угадаешь же, когда всплывёт и всплывёт ли вообще.* Однозначно лишним не будет, это не какая-нибудь сомнительная статейка из "Космо". Запомнить было не сложно, если сосредоточить на разъяснениях Бо-джи свое внимание - а Кортни уж постаралась сосредоточиться как следует.

Надо будет, конечно, вечером ещё проверить, как оно там в памяти улеглось и улеглось и вообще, но пока казалось, что отложилось неплохо.

- Я принесу одеяла, - встрепелась Кортни. Ей бы тоже было проще и спокойнее полезным делом заниматься, а не просто пялиться. А тут вот, как раз, целый список дел. Добежав до стеллажа, Кортни сбила с верхней полки два одеяла, вернулась с ними к циновке, одно сразу развернула, готовая по первому знаку Бо-джи укрыть мальчонку, и вопросительно сказала, оглядываясь на подруг: - Я думаю, мы могли бы спускаться в деревню и приглядывать за ним. Это как раз неплохо, что нас трое, всегда сможем договориться, чтобы хоть кто-нибудь один, но присматривал за парнем. Сможем же? - с нажимом повторила Кортни, когда ей показалось, что подруги как-то подозрительно долго тянут с ответом. Да должны суметь, конечно, откуда вдруг такая пауза, вообще непонятно.

Фиона Касл

Предположения Фионы, изначально куда больше похожие на тычок пальцем в небо, неожиданно оба оказались довольно близкие к истине. Касл спешно закивала, показывая, что она все понимает и запоминает, и только потом сообразила, что когда старший мастер смотрит на пациента, она затылком не видит, кто и чем там у неё за спиной машет. А даже немножко жаль, конечно, такой красивый, полный горячей преданности жест пропал.

- Вот мы так и подозревали, что в монастырь его нельзя. Потому и понесли в деревню, - пробормотала Фиона. Она почему-то думала, все будет совсем по-другому, и громко и молнии низвергнутся, когда Бо-джи узнает, кого к ней на лечение притащили. А тут получалось, старший мастер все понимала, но не спешила метать гром и молнии и даже совершенно наоборот, входила в положение. Фионе немедленно стало стыдно за то, что она так думала, и, спеша исправиться, Касл следом за Кортни вызвалась: - Я тогда свечи зажгу.

Со свечами не заладилось на ровном месте. Связки на подоконнике Фиона нашла без проблем, но неожиданно завозилась со спичками. Две спички переломились в непослушных пальцах, третья вспыхнула сама собой и сразу вся, и Фиона, наплевав на спички, потянулась зажигать свечи голыми пальцами. Из-за этой возни блондинка не сразу сосредоточилась на заданных ей вопросах, и только когда Кортни начала отчётливо рассерженно интонировать, поспешила ответить: - Целители из нас совсем никудышные, но чисто общечеловечески присматривать за ним, конечно, мы сможем, - даже если на этом этапе Аделина вдруг решит отвалиться, то и вдвоём с Кортни уже смогут. Бросать мальчика сейчас, после того, как к нему уже было приложено немало усилий, попросту не имело никакого смысла.

Аделина Рутцен

Аделина как раз в меньшей степени сосредоточена на словах Бо-джи, чем её подруги – это все *нервы, нервы, нервы* – и потому за объяснения о необходимости чистой ткани успевает зацепиться только в последний момент, когда они уже ускользают. Зацепиться и запомнить, а вот часть про "понять" Рутцен преимущественно оставляет на потом. Потом, когда нервы слегка успокоятся и можно будет думать как положено, а не как попало.

Но вообще-то уже пора бы успокаиваться, потому что кризис как бы явно миновал. Да и вот, сифу Бо начинает раздавать задания, так что есть чем занять себя и свои бестолковые руки.

– *Я-сделаю*, – немедленно подсказывает Аделина. Но звучит неконкретно, расплывчато, не уточняет, что именно сделает, и её более обстоятельные подруги успевают разобрать задание на мелкие запчасти. Немке только и остаётся, что согласиться с единственным доставшимся ей вариантом: – *Я-тогда-поставлю-чай*.

Задания совсем небольшие, но они каждой девушке дают возможность сделать что-то полезное и почувствовать себя причастной, а не просто праздным торчащим соляным столбом, и через это окончательно успокоиться. Пока Кортни носит одеяла, а Фиона с помощью одних только пальцев зажигает свечи, так ловко, что невольная зависть берет, Аделина возится с водой и чайными листьями. И послушно кивает за всех, подытоживая слова подруг: – *Мы-все-сделаем. Что-нужно-будет. Дежурить-рядом-по-очереди? Или-лучше-парами?*

Шэн Бо

Шэн стряхнула с рук ша-ци, затянула рану, оставив на ее месте свежий ярко-розовый шрам, затем принесла влажное полотенце и вытерла кожу раненого от крови. Девушки принялись за работу и не стали спорить насчёт того, чтобы ухаживать за японцем, что порадовало Шэн. Она не хотела, чтобы они рассчитывали делать добрые дела чужими руками.

- Вам нужно, чтобы ему не стало хуже, чтобы он не стал вынюхивать про Линь Ян Шо, и чтобы на него не напали деревенские. Ему нужно приносить еду, достать одежду, и решить, как и когда он отсюда уедет. Решите между собой, как вы этим займётесь, - объяснила Шэн. - Мне нужно будет отойти на почту. Он скоро проснётся. Справитесь, чтобы напоить его чаем?

Она думала помимо Почты зайти на рынок, чтобы купить что-то из еды для раненого и его сиделок. А заодно намекнуть деревенскому старосте, что пациенты лазарета находились под охраной Линь Ян Шо. Лекарь не имел права быть судьей.

Кортни Янг

Незамысловатая возня с одеялами, пусть и простенькая совсем, и недолгая, здорово помогала своей обыденностью привести нервы в порядок. Кортни и так отнюдь не билась в истерику и не кусала пальцы, а теперь уж и подавно обрела полное спокойствие. Дождавшись первого же, на её взгляд, подходящего момента, когда Бо-джи вроде бы окончила колдовать над раненым, Янг вклинилась с давно уже занесенным одеялом, накинула его на мальчишку и заботливо подоткнула края. Чтобы никакая рука или нога не торчала наружу, чтобы никакие серые волки не сцапали за оставленный беззащитный бок, и все такое прочее. Если уж им теперь предстояло на протяжении неопределенного времени о мальчике заботиться, то Кортни предпочитала пытаться привыкнуть к этой обязанности сразу. Вот прямо как можно раньше, чтобы дальше уже выскакивало на автомате.

- Справимся, - бодро пообещала Кортни. И хотела было пуститься в пространные уточнения, поясняя, что если мальчик не будет воевать и бузить, так вообще отлично справятся, а если все же будет, то свяжут и все равно напоят через трубочку, но вовремя воздержалась, предположив, что её пространный трёп здесь никому не сдался.

Ощущения в груди гуляли странные, смутные, сумбурные. Внезапной матерью Кортни себя не чувствовала, но, наверное, урывками ощущала что-то отдалённо похожее. Что она взяла на себя ответственность за кого-то, кто по меньшей мере сейчас был очень хрупким и уязвимым. Не то чтобы за каждый удар его пульса, но все же, ответственность была достаточно велика для того, чтобы Кортни чувствовала на кончиках пальцев её вес, и уронить боялась - разобьется же, чудное стекло.

Фиона Касл

После того, как все свечи были зажжены, Фиона встряхнула руками, вытряхивая из них продолжающий бродить под кожей нервный огненный жар, на несколько мгновений прижала ладонь к груди, успокаивая пробудившуюся чакру, чтобы в самый неподходящий момент не поджечь чего-нибудь ещё, и вновь обернулась к Бо-джи. Да успела сделать все это так удачно, что как раз застала всю цепочку ценных указаний, от и до. Не очень длинную, но по-своему заковыристую, было в ней где и над чем поразмыслить.

Собравшись, Фиона заставила себя превратиться в как можно более делового и ответственного шмеля, и серьёзно кивала, запоминая: деревенским в обиду не давать, к Линь Ян Шо даже на словах на миллиметр не подпускать, а ещё кормить-

поить-одевать и всячески ухаживать. И технично выпроводить, когда паренёк совсем оклемается. Над всеми этими задачами Фиона сразу же начала яростно думать, и кое-какие мысли, похожие на полезные, довольно быстро начинали приходить в голову. Оставалось только предложить их подругам и дружным хором довести все это до совершенства.

Пока же Фиона ограничилась тем, что пообещала: - Сделаем. Прямо сейчас и обсудим, что и как, - и, может, не все получится придумать сразу и идеально, но хоть какие-то базовые вектора движения у них после первого обсуждения точно появятся, а это уже гораздо лучше, чем ничего.

Аделина Рутцен

На саму себя Аделина не слишком-то рассчитывает, когда речь перестаёт идти о том, чтобы обещать и клясться, что она справится, и разговор касается конкретных планов и возможных действий. Планировать Рутцен не умеет практически совсем, даже на пару часов вперёд, и то не всегда выходит. Её лучшее умение – слушать, не споря, кивать и отвечать *jawohl*, когда ей диктуют, что именно делать, можно даже без объяснений, зачем и почему.

Вот и сейчас: из обсуждения того, как именно они будут ухаживать за раненым мальчиком, Аделина технично сливается. Она ни в коем разе не отрицает того, что готова наравне с подругами продолжать отвечать за раненого, потому что уже взялась за эту ответственность, и сомкнула пальцы, и теперь просто не может бросить, и готова делать все по списку, что бы ни понадобилось, и прилагать все усилия, а потому утвердительно и чётко кивает в подходящие для этого моменты – *jawohl, jawohl*, – но сама породить предложение конкретных действий немка не может.

То есть, если будет крайне необходимо, она сможет поспешно придумать какую-нибудь ерунду.

Которая, конечно же, испытания боем не выдержит и немедленно развалится в щепки и труху.

А раз так, то лучше её не предлагать и вообще рта не открывать. Просто соглашаться с планом и ответственно делать что попросят. Это точно не может быть хуже.

так точно (нем.)

Шэн Бо

Шэн подошла к свечам и задержала ладони над пламенем. Она потратила на работу много энергии, которую придется восстанавливать. Пламени свечей для такого восстановления не хватит, но просто ощущение от родной стихии уже позволяло собраться с силами, чтобы дальше не показывать усталости окружающим. Шэн не становилась младше, но знала, что все привыкли видеть в ней кого-то непобедимого и бессмертного, кто в любой ситуации готов впрячься и все на себе тащить. И вместо того, чтобы работать над исправлением этого имиджа, тигрица изо всех сил старалась ему соответствовать.

- Хорошо, тогда оставляю его под вашим присмотром, - сказала Шэн. - Я скоро вернусь. Если придет кто-то из пациентов, пусть подождут здесь.

Она взяла тряпичную сумку, которую перекинула через плечо, и вышла из лазарета. Жизнь японца сейчас была вне опасности, но он был очень слаб из-за кровопотери. Он не будет драться и убегать, просто физически не сможет, а с остальным ученицы как-нибудь разберутся, еще и втроем.
